

## ИСТОРИЯ

УДК 930.2/316.356.2

Т.И. Зайцева

МУЖСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:  
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются теоретические основания исторического исследования мужской гендерной идентичности. На базе наработок ряда гуманитарных дисциплин делается вывод о социокультурной опосредованности гендерного поведения и наличии неких кросс-культурных констант, выделяются различные типы маскулинности (доминантная и альтернативная, традиционная и «новая»).

**Ключевые слова:** мужская гендерная идентичность; маскулинность; гендерная социализация.

Прежде чем обратиться к поставленному в заглавии вопросу, следует определить базовые понятия и термины – «мужская гендерная идентичность», «маскулинность», «гендерная социализация». Согласно Э. Эриксону, идентичность (или самоидентичность) – это субъективное ощущение человеком собственного тождества и целостности; твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений к окружающему миру [1. С. 33; 2. С. 131]. Гендерная или половая идентичность в этом контексте выступает как составляющая общей самоидентичности личности, ее частный случай (наряду с другими модификациями – этнической, возрастной, нравственно-ценностной, профессиональной и пр.) [3. С. 4; 4. С. 153]. Под мужской гендерной идентичностью подразумеваются комплекс образов, убеждений, установок, включенных в гендерное самосознание мужчин; общие представления о мужественности и женственности, а также выстроенные на их основе модели поведения [5]. Термин «маскулинность» включает в себя, с одной стороны, совокупность поведенческих и психических свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин; с другой – социальные представления, установки и верования о том, как должен вести себя мужчина; систему предписаний, имеющих в виду идеального, «настоящего» мужчину, нормативный эталон «мужчинности» [6. С. 197]. В отечественной гендерной литературе отдается предпочтение международному латинизированному термину «маскулинность», а не русскому слову «мужественность», поскольку последнее имеет оценочный характер, обозначая не только то, что относится к мужчинам и отличает их от женщин, но и положительное нравственное качество, не связанное ни с полом, ни с гендером. Выражение «мужественная женщина» несет в себе положительное содержание, «маскулинная» же означает не столько мужественность, сколько мужеподобность, мужиковатость [7. С. 107]. Таким образом, принадлежность к мужскому полу реализуется и как идентичность, и как ролевая характеристика; речь идет и о мужских ценностях, мужском характере, и о мужском поведении/практиках [8. С. 335–336; 9. С. 273, 276, 281, 286].

Обретение личностной идентичности, освоение допустимых социальных ролей происходит в процессе социализации (от лат. *socialis* – общественный). Этот термин обозначает начинающийся с детства длитель-

ный процесс включения индивида в определенную группу с присущим ей мироощущением и жизненным стилем, завершение которого должно привести к достижению чувства устойчивости и непрерывности «я» индивида при всех внешних изменениях [2. С. 136]. Со своей стороны, полоролевая или гендерная социализация имеет две взаимосвязанные стороны: освоение индивидом принятых моделей мужского или женского поведения, отношений, норм, ценностей и гендерных стереотипов; а также воздействие на него социальной среды с целью привития определенных коллективных, общезначимых правил и стандартов поведения, которые считаются социально приемлемыми для мужчин и женщин [10. С. 12–13]. Теоретические аспекты изучения мужской гендерной идентичности рассматриваются в ряде гуманитарных дисциплин, прежде всего в социологии, психологии и этнологии. Разработка данной проблематики в российской науке (включая как создание оригинальных концепций, так и перевод зарубежной классики) широко развернулась в 2000-е гг. Знакомство с этим багажом знаний необходимо для понимания механизмов функционирования гендерной системы прошлых эпох.

Квинтэссенцией имеющихся на сегодняшний момент исследований, наработок, поднимаемых проблем являются публикации ведущего отечественного ученого гендерного направления И.С. Кона (1928–2011), в частности его статьи «Маскулинность как история» и «Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире». Обе названные статьи многократно переиздавались автором в различных сборниках начиная с 1999 г. в рамках единого глобального проекта, итогом которого стало монографическое исследование [6, 11–13]. Одной из наиболее важных идей ученого с исторической точки зрения является тезис о социокультурном контексте формирования мужественности и влияния на то, какую социальную нишу занимает ее носитель. Гендерная социализация мужчины связывается с историческим процессом, особенно ярко специфика мужской гендерной идентичности проявляется в переходные периоды [11. С. 209, 214, 217–218; 12. С. 588, 593]. Исследователь приводит идеализируемые потомками модели мужского поведения в ту или иную эпоху, значительно отличающиеся друг от друга: мужество героев гомеровского периода, добродетели республиканского Рима, доблесть раннего Средневековья, мужские союзы

классического и позднего Средневековья, мужская дружба эпохи романтизма и пр. [6. С. 189].

В то же время, помимо исторически обусловленных компонентов мужской гендерной идентичности, исследователь выделяет константы мужского поведения, кросскультурные гендерные свойства личности. Среди них – обращенность, в отличие от женщин, во внешний мир, большая роль мужского сообщества по сравнению с семьей и родителями, присущая мужским отношениям соревновательность (агон), агрессивность и связь мужской идентичности с силой в ее различных проявлениях (вплоть до сексуального насилия) и т.д. [11. С. 220–224; 12. С. 595–598]. И.С. Кон и другие исследователи (Е.Ю. Мещеркина) рассматривают такое явление, как гомосоциальность, под которой понимается присущая мужчинам склонность общаться преимущественно с представителями своего пола [9. С. 271, 274, 281; 11. С. 222; 14. С. 16–17]. Как было показано, гомосоциальность относительно автономна и гораздо более структурирована и иерархизирована, чем фемосоциальность.

Вторым важным положением И.С. Кона является тезис, дополняющий выводы современных «женских исследований» о социальной приниженности женского пола и господстве мужчины над женщиной, согласно которому в том или ином обществе имеется несколько типов маскулинности, мужской гендерной идентичности. Среди последних, по мнению ученого, можно выделить некую ведущую, «гегемонную» (или «доминантную»), форму, представители которой занимают социальную вершину, и вторичные, альтернативные формы, менее престижные или даже маргинализованные. Мужчины, имеющие идентичность, альтернативную гегемонной, могут не меньше женщин испытывать чувство социальной приниженности. В то же время повышенные ожидания общества по отношению к представителям доминантной маскулинности нередко становятся условием их психологического напряжения.

Третий важный момент, на котором останавливается Кон, касается традиционной и «новой» форм маскулинности. Обращаясь к происходящим в современную эпоху трансформациям гендерной системы как на внешнем, так и на внутреннем уровне, ученый отмечает, что хотя мужчины вполне закономерно значительно меньше подверглись изменениям, нежели женщины, в то же время указанные изменения, безусловно, имеют место. Как пишет И.С. Кон, сдвиги коснулись экономической, властно-политической, брачно-семейной, сексуальной областей, особенностей гендерной социализации, общественных представлений и внутригендерных отношений, а также сферы телесного и эмоциональности. Их характер и глубина зависят от уровня развития той или иной страны, образовательных и социально-возрастных характеристик, матримониального статуса (холостячества или женатости). По мнению Кона, в народной среде традиционные формы маскулинности выражены сильнее, и их не боятся декларировать публично, в то время как более образованные мужчины стесняются следовать данному канону. Ценностные ориентации и стили жизни в последнем случае выглядят более цивилизованными, такие мужчины охотнее, хотя и не во всем, принимают идею

женского равноправия. Еще один выделяемый ученым водораздел – возрастной. Многие поведенческие свойства традиционной маскулинности, в том числе агрессивность и сексуальность, в первую очередь присущи подросткам и молодым мужчинам. Молодые мужчины представляют особую социально-демографическую группу, которая по своим физическим, поведенческим и психологическим свойствам отличается как от женщин, так и от старших мужчин. Выраженность этих черт зависит также от семейного положения: женатые мужчины независимо от возраста меньше холостяков склонны к риску и авантюрам, у них другой стиль жизни [11. С. 218–291; 12. С. 593–594].

Исследователь изучает в современной мужской идентичности рудименты традиционных установок гендерного поведения и степень и формы распространения «новой» маскулинности (например, изменения и специфику гендерного дисплея в его мужском варианте и пр.). Под гендерным дисплеем (от англ. *display* – проявление, показ) подразумеваются конвенциональные модели поведения, изображения, внешние выражения пола (см. об этом: [15. С. 114]). По мнению И.С. Кона, для современного этапа характерна активизация заботы мужчин о собственном теле и физической привлекательности (см.: [11. С. 211; 12. С. 585]). В первом случае речь идет о классическом образе мужчины-мачо или могучего доминантного альфа-самца. Исследователь отмечает, что хотя в современном обществе этот канон стал отчасти дисфункциональным, принося больше неприятностей, чем выгод, его носители продолжают считать себя единственными «настоящими» мужчинами. Они сопротивляются происходящим переменам, создают собственные закрытые сообщества и находят такие сферы жизни, где эти качества можно проявлять безнаказанно и получать за это одобрение (война, силовые виды спорта и т.д.). Поскольку эти свойства филогенетически самые древние и на них ориентирована любая мальчишеская и юношеская субкультура, их поддерживают и им завидуют многие мужчины, сами не принадлежащие к этому типу. Носителями, защитниками и идеологами «новой» маскулинности становятся, как правило, мужчины, которые по тем или иным причинам не смогли войти в этот «элитарный мужской клуб», испытывали в детстве и юности какие-то трудности с маскулинной идентификацией и нашли для себя другой, более приемлемый канон маскулинности. Разумеется, это возможно и по чисто интеллектуальным соображениям, но чаще эти мотивы переплетаются: личные трудности помогают осознать «неправильность» социального стереотипа (см.: [11. С. 219–220; 12. С. 594–595]).

Перекличку со многими положениями И.С. Кона можно встретить в работах других исследователей. Так, еще один известный отечественный ученый-гендерист С.А. Ушакин в своих статьях «Видимость мужественности» и «Познавая в сравнении: о евро-стандартах, мужчинах и истории», со ссылкой на типологию, предложенную в англоязычной историографии, выделяет патриархальную иудейско-христианскую мужественность, военно-гражданскую модель античной Греции, средневековую форму мужественности с присущим ей кодексом чести и институтом покрови-

тельства, протестантскую мужественность буржуа, имеющую более широкий ареал распространения героическую модель мужественности в целом и др. Исследователь также отмечает, что в рамках отдельных культур различия внутри пола не менее значительны, чем между полами, и те мужчины, которые не соответствуют доминантным нормативам, испытывают на себе значительное социальное давление [4. С. 160–161; 8. С. 335; 16. С. 10].

Е.Р. Ярская-Смирнова, обратившись в своей статье «Мужество инвалидности» к проблеме инкорпорированности в мужском теле социальных значений и дискурсов, также приходит к выводу о различии маскулинности в каждой культуре, иерархичности внутри господствующей мужской культуры [7. С. 117]. Она отмечает, что каждый жизненный стиль общества или группы содержит свой набор идей или тем, относящихся к мужчине и маскулинности, который оказывается «полем борьбы за то, каким же должен быть мужчина», – горой мускулов или романтическим кавалером, остроумным интеллектуалом или надежным экономическим ресурсом. Ярская-Смирнова показывает роль физической силы и связанных с ней качеств для формирования доминантной идентичности и связи последней с властной позицией; социальную маргинализацию мужчин, имеющих физические отличия от господствующего канона маскулинности [Там же. 106, 109, 116].

Исследовательница считает, что не всякое мужское тело принимается как норма: среди огромного разнообразия мужских тел, различающихся цветом, формой, размерами, демонстрирующих различные возможности, есть те, которые считаются неестественными или патологическими. Она пишет о социальной «патологизации» тела инвалидов, пожилых людей, гомосексуалистов, представителей иных расовых групп в их отличии от принятого канона маскулинности. Последний для западного общества воплощен в белом гетеросексуальном мужчине из среднего класса. Социальное определение маскулинности воспекает его силу и неуязвимость, идеальное тело и молодость. По мнению автора, для доминантной маскулинности характерно с детства не обращать внимания на ушибы и ссадины, в подростковом возрасте – стремиться управлять своим телом и соревноваться с другими мальчишками, в юности – заниматься атлетизмом, но позднее начать пренебрегать своим телом ради карьеры и публичного успеха. Характерно при этом, что идеализированная модель жизненного пути мужчины сводится к основному сценарию периода зрелости – признанию в публичной сфере. В данной перспективе, например, имидж инвалидности выражается в метафорах слабости, зависимости, уязвимости, а значит, потери мужественности, мужских качеств активности, инициативы, контроля и достижения.

Е.Ю. Мещеркина в статьях «“Бытие мужского сознания”: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса» и «Социологическая концептуализация маскулинности» со ссылкой на известного австралийского социолога Р. Коннела пишет, что гегемонная мужская идентичность – это культурный образец, доминирующий идеал, лежащий в основе практик пола, которые имеют иерархический порядок

[9. С. 270–271; 14. С. 16, 18; 17. С. 851, 854]. В то же время маскулинный габитус в разных контекстах может проявляться во множестве форм: и как общая ответственность за благо семьи (глава семьи), и как физическое насилие, и как защита и охрана близких, и как гипермаскулинность. Исследовательница подчеркивает, что только жизнь в соответствии с заданными в рамках определенного социального порядка мужским габитусом традиционными маскулинными ценностями порождает у мужчин чувство «габитусной уверенности» [9. С. 273–274; 14. С. 17]. Габитусная уверенность выступает как осознанное согласие с судьбой, как позитивно воспринимаемое социальное принуждение, коллективно разделяемое смысловое содержание маскулинности. Большую роль в реализации габитусной уверенности играют гомосоциальные мужские сообщества, которые оказывают институциональную поддержку мужчинам, в силу тех или иных обстоятельств не способных полноценно исполнять ожидаемые от них роли. Тем самым гомосоциальные сообщества способствуют сохранению гендерного порядка. Н.А. Шухова в одноименной диссертации проанализировала влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию мужчин. Успех последней, по мнению исследовательницы, связан с соответствием мужчины традиционным установкам и требованиям. Выделив более десятка различных типов мужской гендерной идентичности, автор отмечает рост адаптивности по мере приближения форм самосознания и поведения к традиционной модели. В то же время, по мнению ученой, важнейшей составляющей наступившего на рубеже XX–XXI столетий кризиса маскулинности является возросшая жесткость предъявляемых к мужчинам социальных требований, что сделало их особо уязвимыми в свете происходящих изменений [5].

Известный современный американский антрополог Д. Гилмор в своих работах (статье «Загадка мужественности», монографии «Становление мужественности: культурные концепты маскулинности») определил специфику мужской социализации, ядро которой составляет испытание мужчины в ходе получения признания его мужественности обществом [18, 19]. Как считает Гилмор, обретение женщиной женственности происходит более мягко, не через активное действие, но через имеющие биологические корни паттерны украшения тела или формирование сексуальной привлекательности; тогда как мужчина должен подвергнуться инициации, ответить на вызов, пройти через борьбу, нередко имеющую драматический характер и даже сопровождающуюся риском для жизни. Среди выдвигаемых обществом испытаний – демонстрация своей физической силы и героического поведения, «неукротимой мужественности», жесткости и смелости; участие в различного рода милитаристских предприятиях; успешность в сексе (брачное ложе рассматривается аналогично полю брани; перед мужчиной стоит необходимость демонстрации потенции в первую брачную ночь; рождение большого количества детей); умение защитить свою семью, ее честь в любой ситуации; даже воровство или плутовство [18. С. 882–888].

В связи с этим, по мнению ученого, мужчины значительно чаще женщин испытывают сомнения в собствен-

венной гендерной идентичности. Выводы Гилмора подтверждают исследования других ученых. Так, Н.А. Шухова на основании контент-анализа мужских самоописаний (метод количественно-качественного изучения документов) показывает, что взгляды современных мужчин о становлении собственной идентичности базируются по преимуществу на представлении о нем как о чем-то полученном в процессе действия, а не как автоматически приобретенном [5]. Знаменитая американская гендеристка Дж. Келли даже использует по отношению к мужской социализации термин «история закала» [8. С. 338].

Таким образом, общими выводами гендерной социологии можно считать, во-первых, связь мужской гендерной идентичности и маскулинности с историческим и социокультурным контекстом и в то же время наличие неких кросскультурных констант; во-вторых, существование в рамках каждой отдельной культуры,

наряду с общим более престижным характером социального бытования мужчин по сравнению с женщинами, различных типов маскулинности, иерархий между ними и приниженности в случае несоответствия типу гегемонной маскулинности; в-третьих, сохранение в условиях современного кризиса традиционной гендерной системы ряда прежних установок и одновременно более жесткий характер преобразований для представителей мужского пола по сравнению с женщинами. В рамках статьи были затронуты только отдельные темы. В их числе, например, изучение кросскультурных оснований и исторического содержания института отцовства; рассматриваемые рядом исследователей вопросы чести как особого регулятора мужского поведения, присущего многим эпохам, и некоторые другие. Кроме того, из всего обилия текстов гендерного плана были взяты непосредственно посвященные проблеме мужественности.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с.
2. Зайцева Т.И. Зарубежная историография: XX – начало XXI века : учеб. пособие. М. : Академия, 2011. 144 с.
3. Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–16.
4. Ушакин С.А. Видимость мужественности // Знамя. 1999. № 2. С. 152–165.
5. Шухова Н.А. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию мужчин : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 204 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-gendernoi-identichnosti-na-sotsialno-psikhologicheskuyu-adaptatsiyu-muzhchin> (Дата обращения 07.04.2011 г.).
6. Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под ред. М.М. Малышевой. М., 2002. С. 188–208.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Мужество инвалидности // О муже(Н)ственности: сб. ст. / под ред. С.А. Ушакина. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 106–125.
8. Ушакин С.А. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 334–345.
9. Мецкеркина Е.Ю. «Бытие мужского сознания»: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(Н)ственности : сб. ст. / под ред. С.А. Ушакина. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 268–287.
10. Бабушкина Е.А., Базуева Е.В. Влияние институтов социализации на формирование гендерных представлений у детей дошкольного возраста // Гендерное образование в подготовке учителя : материалы Всерос. конф. с междунар. участием / науч. ред. Е.С. Турутина и др. Томск : Изд-во ТГПУ, 2006. С. 12–14.
11. Кон И. Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под ред. М.М. Малышевой. М. : Академия, 2002. С. 209–229.
12. Кон И.С. Мужские исследования: меняющаяся мужественность в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие: в 2 ч. / под ред. И.А. Жеребкиной. СПб. : Алетейя ; Харьков : ХЦГИ, 2001. Ч. 1. С. 562–599.
13. Кон И.С. Мужчины в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
14. Мецкеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования (СОЦИС). 2002. № 11. С. 15–25.
15. Введение в гендерные исследования : учеб. материалы к курсу ОДО по гендерным исследованиям. Харьков : ХЦГИ, 2003. Ч. 1. 344 с.
16. Ушакин С.А. «Человек рода он»: знаки отсутствия // О муже(Н)ственности : сб. ст. / под ред. С.А. Ушакина. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 7–40.
17. Коннелл Р. Маскулинность и глобализация / пер. Я. Боцман // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. СПб. : Алетейя ; Харьков : ХЦГИ, 2001. С. 851–880.
18. Гилмор Д. Загадка мужественности / пер. Я. Боцман // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. СПб. : Алетейя ; Харьков : ХЦГИ, 2001. С. 880–895.
19. Гилмор Д.Д. Становление мужественности. Культурные концепты маскулинности / пер. А.А. Казанкова. М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2011 г.